

⁹ **Миллер Т. А.** Доаристотелевские учения о словесном искусстве // *Аристотель и античная литературная теория*. М., 1978. С. 24—62.

¹⁰ Подробнее о разработке этого вопроса Платоном см.: **Миллер Т. А.** К истории литературной теории в классической Греции V—IV вв. до н. э. // *Древнегреческая литературная критика*. М., 1975. С. 75—113.

¹¹ Верное, по нашему мнению, замечание по этому поводу см.: **Walbank F. W.** Polybius. P. 72. Not. 21.

¹² Ниже Полибий поясняет: «Источник этот (для молвы — акое.— Г. С.) может быть двояким — или исторические сочинения, или устные расспросы» (Polyb. XII. 27. 3).

¹³ См.: Laffrang M. Op. cit. P. 276.

¹⁴ О значении этого термина вообще и конкретно у Полибия см.: **Liddel H. G., Scott K. A.** Greek-English Lexicon. Oxford, 1926. Vol. 1, p. 2. P. 281; **Mauerberger A.** Lexicon. B., 1956, Bd. 1. Lfg. 1. Sp. 261.

¹⁵ См.: **Schepens G.** Emphasis and enargeia in Polybios Geschichtstheorie // *RSA*. 1975. T. 5. S. 192. Anm. 22.

¹⁶ О значении слова «tehne» см.: **Liddel — Scott.** Lexicon. Oxford, 1936. Vol. 2, p. 9. P. 1785.

¹⁷ О развитии этого понятия в греческой философии от Гераклита до стоиков см.: **Peters F. E.** Greek Philosophical Terms: A Historical Lexicon. N.Y.; L., 1967. P. 66. Разбор этого понятия В. В. Вальченко позволил ему сделать следующий вывод: «Ethos выступает у Аристотеля как формально-логическое видородовое понятие, универсально отражающее наиболее характерные особенности человеческого поведения» (**Вальченко В. В.** Ethos в «Риторике» Аристотеля // *ВДИ*. 1984. № 2. С. 51).

¹⁸ На это в свое время обратил внимание М. Изнарди (**Isnardi M.** Tehne ē ethos nella storiografia di Polibio // *SCO*. 1953. T. 3. P. 102—110).

¹⁹ См. верное, на наш взгляд, замечание по этому поводу: **Schepens G.** Bipartite and Tripartite Divisions... P. 284.

²⁰ См.: **Farrington B.** Op. cit. P. 14—15.

²¹ См.: **Fritz von K.** Aristotle's Contribution to the Practise and Theory of Historiographia // *UCPPH*. 1958. Vol. 33. Esp. P. 134—136; **Linch P. J.** Aristotle's School: A Study of a Greek Educational Institution. Berkeley, 1972. P. 135—138.

²² Подробнее об этом см.: **Асмус В.** Метафизика Аристотеля // *Аристотель. Сочинения*: В 4 т. М., 1975. Т. 1. С. 35—39.

Е. П. ГЛУШАНИН
Алтайский университет

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ ПОЯВЛЕНИЯ АНТИВАРВАРСКИХ НАСТРОЕНИЙ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВИЗАНТИИ КОНЦА IV — НАЧАЛА V в.

В историографии поздней Римской империи и ранней Византии насчитывается немало работ, посвященных острой идейно-политической борьбе, начавшейся после смерти Феодосия I. Неоднократно изучался социальный облик выразителей идей и политических программ тех или иных противоборствующих группировок господствующего класса обеих частей империи, прежде всего Клавдиана и Синезия, отдельные аспекты и степень прак-

тической реализации их политических предложений. Гораздо меньше и в зарубежной, и в советской историографии освещен вопрос о причинах появления тех или иных форм идейного вооружения основных группировок господствующего класса конца IV — начала V в. Объяснение сложной идейной обстановки того периода только политическими, сиюминутными мотивами характерно для буржуазного византиноведения. В советской литературе, напротив, немало сделано для выявления глубинных социальных мотивов политики и идеологии правящих и оппозиционных группировок Византии конца IV в.¹

Однако до сих пор в историографии, несмотря на придаваемое ей большое значение, недостаточно изучена проблема возникновения так называемого антигерманизма и его социальная обусловленность. Резкие антиварварские настроения, нашедшие наиболее яркое выражение в речи Синезия «О царстве», часто выдаются за проявление политической «национальной» реакции римлян на германское засилие — точка зрения, впервые предельно четко сформулированная О. Зееком². В нашей литературе высказано мнение, что враждебность византийского общества к готам обуславливалась не только их засилием в государственном аппарате, но также их притязаниями на значительную долю прибавочного продукта империи³. Считается, как правило, что антигерманизм и в теории, и в практике был реакцией на готовильскую политику Феодосия I. Однако перечисленные оценки носят во многом априорный характер, слабо либо совсем не аргументированы и не наполнены конкретным содержанием. Единственное систематическое изложение возникновения как германской проблемы, так и антигерманизма дано Р. Ремондоном, который справедливо указывает на их глубокие исторические корни. Особое место в его концепции занимает так называемое «мирное завоевание империи» германцами, которое складывалось из постепенного проникновения их: а) в деревни (лэты, инквиллины и другие категории зависимого сельского населения); б) в города через работорговлю (особенно в 376 г., после перехода вестготами Дуная); в) в армию (значительное количество варваров в войсках Феодосия I в 388 и 392 гг.; букеллари на службе знати); г) на высшие должности в государственном аппарате (консулат Меробавда, Рихомера, Баутона; полномочия Стилихона).

По мнению Ремондона, «реакция общественного мнения на эту «германизацию» и ее последствия в поведении варваров, результаты их вторжения во многих сторонах жизни империи, перемещение вестготов «вовнутрь» организма, ткани которого оно разрывало» являются составными частями германской проблемы⁴. Антигерманизм же римлян, обнаружившийся после смерти Константина I, был лишь усилен мирным германским завоеванием, адрианопольской катастрофой и политикой Феодосия I. Характерным его проявлением Ремондон считает: отношение

римских властей к готам после перехода ими Дуная в 376 г., содержание в Азии детей готов в качестве заложников, резню готов 378 г., учиненную магистром Востока Юлием, столкновение египтян и готов в Лидии, избиение германцев в Томах, Фессалонике и т. д.⁵ Как видим, и в более пространной оценке возникновения антигерманизма, данной Р. Ремондоном, практически отсутствуют социальные подосновы этого явления.

В настоящей статье сделана попытка перепроверки и уточнения перечисленных тезисов о причинах возникновения идеологии антигерманизма в Византии конца IV — начала V в. Сразу следует оговориться, что мы стремились изучить лишь указанное явление на византийской почве, оставляя в стороне западноримские его проявления, анализ которых представляется темой отдельного исследования вследствие значительных различий в социально-экономической и политической ситуациях обеих частей империи. Кроме того, признавая глубокие социальные и идейные корни и традиционность ряда установок той прослойки, чьи интересы выражал Синезий, мы пытались рассмотреть лишь некоторые из причин возникновения византийского антигерманизма.

Прежде всего следует более внимательно отнестись к общепринятому тезису о варварском засилье в государственном аппарате Византии конца IV — начала V в. Его аргументация никогда не базировалась на детальном просопографическом анализе состава различных эшелонов власти в период правления Феодосия I. Тезис этот, как правило, выводился из факта так называемой «разгерманизации» высших военных должностей империи после 400 г.⁶, в чем и усматривают реализацию политической теории антиготской партии⁷.

Однако даже простой количественный подсчет свидетельствует об обратном. Из 20 дуксов и комитов при Феодосии I варварское происхождение можно установить лишь у 6 человек, из которых германцами являлись только трое (Кариобавд, Меробавд, Гайна); трое других были уроженцами Востока (Гормизда, Савл, Бакурий)⁸. Необходимо подчеркнуть, что лица восточного происхождения не только никогда численно не превышали греко-римский элемент в военном аппарате IV в. и не обладали сколь-нибудь заметным влиянием при дворе, но зачастую были выходцами из знатных кавказских и персидских родов и длительное время находились на римской службе (Бакурий, Гормизда) или даже рождались в империи (Гормизда), что подразумевает их известную романизацию и лояльность. Все сказанное позволяет с определенной осторожностью при решении проблемы засилья варваров в государственном аппарате империи учитывать только германцев, а лиц восточного происхождения включать в число внутриимперских элементов. Таким образом, при первоначальном подсчете соотношение римлян и германцев в государственном аппарате империи при Феодосии I равно

20:3. В высшем командном звене германцев больше — 5 магистров войск (Баутон, Модарес, Рихомер, Хеллебих, Бутерих)⁹, 2 магистра восточного происхождения (Сапор, Аддей) и 8 римлян (Майориан, Сатурнин, Тимасий, Промот, Евтерий, Абунданций, Виктор, Юлий)¹⁰. Однако данная пропорция в значительной мере формальна, ибо отражает соотношение высшего германского и римского офицерства за все время правления Феодосия I.

Реальная ситуация была несколько иной. Из источников исчезают упоминания о Модаресе уже после 382 г., о Хеллебихе — после 387 г., около 388 г. умер Баутон, в 390 г. убит Бутерих, в 393 г. скончался Рихомер¹¹. Из числа магистров войск римского происхождения выбыл лишь Промот, погибший в бою с бастарнами в 391 г. (Zos. IV. 51. 1—3). Следовательно, в последние годы правления Феодосия I германцы вообще не занимали сколько-нибудь значительных должностей в военном аппарате империи.

С другой стороны, анализ карьер высших офицеров Восточной империи в 379—395 гг. убеждает в том, что главенствующие посты оставались в руках римлян. Командование региональными магистериями из германцев осуществляли лишь Бутерих¹² и Хеллебих. Последнего Феодосий назначил магистром Востока, очевидно, пытаясь нейтрализовать возмущение федератов и их вождей, вызванное резней готов по приказу Юлия. Кроме того, Хеллебих был в достаточной мере эллинизирован и даже состоял в переписке с Либанием. Примечательно, что Модарес не упоминается после 382 г. ни среди полководцев Феодосия, ни при дворе: мир с готами заключил Сатурнин, а победу над остготами в 386 г. одержал Промот (Zos. IV. 35). Если учесть, что организационное вычленение центральных экспедиционных сил произошло в 388—391 гг.¹³, то следует признать, что бывшие комиты Грациана Баутон и Рихомер, находясь при дворе Феодосия, до этого времени были *magistri militum vacantes*. Думается, что назначения Рихомера одним из командующих в 388 и 392 гг., т. е. на конкретно определенные кампании, лишь подтверждает этот вывод (Zos. IV. 45; 55. 2—3).

Таким образом, с известной долей осторожности можно утверждать, что в своей кадровой военной политике Феодосий опирался преимущественно на римлян¹⁴, появление же определенного числа германцев на должностях магистров войск связано с негативными последствиями Адрианополя. Достаточно показателен в этом отношении тот факт, что ни один из командиров федератов, участвовавших в походе против Евгения (Аларих, Гайна, Савл), не получил ранг магистра¹⁵. Из этого следует, что ни один из магистров-германцев Феодосия, кроме Бутериха, не опирался на войска, составленные из соплеменников, т. е. их реальное влияние в военном аппарате империи было незначительным.

У дуков и комитов к концу правления Феодосия прослеживается сходная ситуация: к 384 г. из источников исчезают упоминания о Гормизде, Кариобавде и Меробавде; при Фригиде погиб Бакурий (Zos. V. 58. 3), бежал командир аланской конницы Савл (Zos. V. 58. 2—3), оказавшийся вскоре на службе у Стилихона. Аларих, возглавив восстание федератов, практически отмежевался от империи¹⁶. Гайна после победы над Евгением и смерти Феодосия оставался на Западе. Все эти факты имеют немаловажное значение для понимания роли и места Гайны, а также его подлинных политических устремлений в 395—400 гг. Как блестяще доказал Л. Варади, «до выбора Алариха «королем вестготов», после смерти Феодосия, Гайна был признанным римлянами вождем всех вестготских федератов»¹⁷, и после битвы при Фригиде «они с полным правом поэтому не доверяли Гайне, который, по их убеждению, в большей мере представлял римские, чем собственно готские интересы. Эти настроения среди больших масс вестготов способствовали укреплению позиций молодого Алариха»¹⁸. Таким образом, Гайна, вернувшись на Восток в 395 г., не только не обладал каким-либо значительным рангом в византийской военной иерархии, тем более влиянием при дворе, но и был лишен поддержки своих соплеменников.

Уместно сделать оговорку, что данных о варварах на постах гражданского центрального и провинциального управления Византии ни при Феодосии I, ни при Аркадии нет¹⁹.

В 395—399 гг. в военном аппарате Византии из германцев нам известен лишь Фравитта, проведший в этот период карательные операции в Каликии, Финикии и Палестине (Zos. V. 20. 1), и бывший, скорее всего, комитом; на всех ведущих постах были римляне. Рост влияния Гайны протекал на фоне преследования Евтропием видных военных из ближайшего окружения Феодосия: Тимасий был сослан в Большой Оазис и погиб при загадочных обстоятельствах, Абундаций — в Питиунт (Zos. V. 8. 3—9; 6; 10. 5); с поста магистра Востока смещен Аддей, которого заменил Симплиций (PLRE. II. P. 1013). В то же время заметны попытки выдвижения представителей знатных кавказских фамилий: титул почетного магистра даруется Фарасману; комитом domestikов стал Субармахий (Eupar. Fragm. 77). По-видимому, эти изменения в правительстве явились отражением борьбы за изживание некоторых аспектов феодосиевой политики. Не случайно в связи с этим участие Евтропия в подготовке падения Руфина, а также возвращение на Запад после 395 г. видного феодосианца Эмилиана Декстера, ставшего, видимо, не без согласия Стилихона, префектом претория Италии²⁰. Власть над центральными экспедиционными силами после ссылки Тимасия была сосредоточена у Евтропия вплоть до весны 399 г. — начало восстания Трибигильда, — когда *magistri praesentales* назначаются Гайна и Лев²¹.

Получив большие полномочия, Гайна стремится создать мощ-

ную вооруженную опору из варваров. По словам Сократа, «он призвал к себе весь готский народ из его родины и своим приближенным старался дать в войске должности командиров» (Socr. VI. 6). После гибели Льва и объединения с Трибигильдом позиции Гайны в военной среде еще более усилились, и именно тогда он смог диктовать волю двору. Все это встревожило господствующий класс столицы, ибо память об адрианопольском поражении была свежа. На наш взгляд, именно эти настроения и отражены в речи Синезия «О царстве», в которой подчеркивается, что «**все** (выделено нами.— Е. Г.) мы теперь помещены на тончайшем острие ножа; дело бога и императора по отношению к государству устранить этот кризис... который уже зародился и должен выйти наружу» (Синезий. О царстве. 18). Персональная антиварварская критика адресована лично Гайне как магистру: «...Полководец, одетый в звериные шкуры, командует войнами, одетыми в хламиды...» (Там же. 20)²². Это сообщение вместе с упоминанием о том, что Гайна, уже после подавления мятежа, направившись к Дунаю, перебил всех римских солдат, бывших в его войске (Zos. V. 21; Eunap. Fragm. 82), заставляет пересмотреть утверждение о чисто готском составе его армии. Скорее можно говорить о каком-то готском отряде (типа букеллариев), который Гайна смог нанять на свои деньги. В пользу этого говорит и уже указанное обстоятельство утраты им связи с вестготами Алариха, что подразумевает только возможность найма. На распространенность подобной практики в то время указывает Синезий: «И из чужеземцев многие конные стрелки, оставив отечество, отправляются к сговорчивым людям...» (Синезий. О царстве. 21). Известно, что букеллариев из гунов имел Руфин (Claud. In Ruf. II. 76).

Страх византийцев перед Гайной имел место до тех пор, пока он не отъединился от Трибигильда и не определил точно свою ориентацию на одну из противоборствующих группировок, после чего стало понятно, что он является орудием давления на противников Кесария, префекта претория Востока²³. Соответственно у Синезия снижается тональность критики в отношении Гайны и объектом нападок становится Кесарий. Вряд ли в этот период Гайна мечтал о роли Стилихона Востока, как считает Э. Демужо²⁴, и стремился захватить власть. Скорее всего он послушно выполнял указания Кесария. Обстановка в столице накалилась до такой степени, что противоборствующие группировки стали готовиться к открытому столкновению и стягивать в Константинополь войска²⁵. У Марцеллина Комита читаем: «Gaina comes apud Constantinopolim **ad praeparandum civile bellum** (выделено нами.— Е. Г.) barbaros suos occulte ammonet...» (Com. Marc. P. 66. 13—15). По Синезию, именно Кесарий склонил Гайну к походу на столицу (De prov. I. 15). Отказался Кесарий от поддержки готов уже после 12 июля 400 г.

Уместно, наконец, поставить вопрос, как же следовало «раз-

германизировать» военный аппарат и армию, если единственный гот-магистр и его войско были уничтожены, равно как и мятежники Трибигильда? Следовательно, пресловутое засилье германцев в государственном аппарате не являлось подлинной причиной появления антиварварских настроений в политической мысли Византии конца IV — начала V в., а антигерманизм с этой точки зрения не был политической реакцией римского народа на наплыв чужеземцев, но являлся скорее инвективой в борьбе за власть, спекулирующей на страхе повторения адрианопольского кризиса.

Подлинные причины антиварварских настроений, равно как и синезиевой программы реформирования армии, крылись в материальных интересах «антиготской» партии, в которую, как показал А. С. Козлов, входили «верхушка куриалов, видимо, торгово-ростовщическая знать и часть церковной верхушки, связанные с существованием полисов»²⁶. Критика военной политики Феодосия Синезием не случайна, ибо эта политика в значительной мере оплачивалась за счет «полисной» прослойки рабовладельцев. Если Валент шел навстречу интересам куриалов, предоставляя им право выкупать воинские повинности, лежащие на их имуществах (CTh. VII. 13. 7), что в условиях экономического подъема IV в. позволяло не отвлекать рабочую силу от сельскохозяйственного производства, то Феодосий, восстанавливая количественно и качественно походную армию, требовал для войска только рекрутов (CTh. VII. 13. 8—9; 11). Эти методы конскрипции сразу вызвали недовольство куриалов, на что указывают сетования Либания: «И теперь мы дошли до земледельцев (*epi tus georgus*)...» (Liban. Orat. XXIV. 16).

Стремясь противопоставить готам боеспособную армию, состоящую из солдат, привычных к тяжелому труду и лишениям, Феодосий, очевидно, ориентируясь на земледельческое население, предписывал не брать в войска поваров, рыболовов, трактирщиков и любого, «кого гнусность угодливости отдаляет от службы» (CTh. VII. 13. 8; ср.: Veget. I. 7). Явным диссонансом этой практике звучат предложения Синезия: «Исторгнем поэтому философа из школы, ремесленника из мастерской, торговца из лавки; призовем эту чернь, шумящую и праздную, проводящую время в театрах...» (Синезий. О царстве. 19). Напрашивается вывод о том, что верхушка куриалов мечтала о рецепции дофеодосиевых методов конскрипции, о возрождении выгодной им *prototypia*, которая, как показывают данные законодательства, при Феодосии не применялась ни разу.

Помимо набора колонов из поместий увеличились прямые военные расходы государства, связанные с необходимостью оплаты готов-федератов, начиная с 382 г., что было связано с крахом правительственной политики превращения их в земледельцев²⁷. Методы, которыми добывались средства для содержания федератов, на наш взгляд, подрывали полисную эконо-

мику. Так, в 388 г. Феодосий предписал префекту претория Востока Кинегию адерировать аннону и переслать золото в канцелярию префектуры Иллирик (CTh. VIII. 4. 17), что, по справедливому замечанию Варади, было связано с необходимостью снабжения и оплаты федератов²⁸. В этих условиях владельцам пригородных имений, очевидно, приходилось зачастую за бесценок продавать продукты сельского хозяйства. Все это неизбежно должно было вести как к снижению уровня материального благосостояния сословия куриалов в целом, так и к его расслоению²⁹. Не эта ли ситуация дала возможность укрепить позиции торгово-ростовщической прослойки, которая при Евтропии оказалась у власти? И далее, нельзя не предположить, что Евтропий продолжал политику оплаты федератов Феодосия, столь ненавистную куриалам? Об этом говорит не только дарование Алариху Евтропием титула магистра Иллирика, но и относительное спокойствие готов Алариха в 397—399 гг. С другой стороны, призывая императора не истощать города поборами, Синезий резко отзывается о торговцах: «Я... считаю профессию, ставящую своей целью наживу, низкой, нечестивой и совершенно неблагородной; в одном только больном государстве она может занимать не совсем низкое место» (Синезий. О царстве. 25). Император, по его мнению, «должен избирать правителей по достоинству, а не по богатству» (Там же. 26).

В программе реформирования армии Синезия неоднократно звучит призыв к императору о создании собственного войска, которое должно быть противопоставлено именно федератам: «Законодатель не должен давать оружия тем, которые не рождены в его стране и не воспитаны установленными там законами... Только человек безрассудный или пустой мечтатель может видеть многочисленных юношей, чуждых нашим учреждениям и нашим нравам, занимающихся военными упражнениями...» (Там же. 19). В отношениях с ними Синезий также ратует за возвращение к доадрианопольским временам, которые ничем не обременяли города: «Итак, нужен гнев против этих людей. Пусть они или в зависимом состоянии обрабатывают землю... или бегут тем же путем, каким пришли...» (Там же. 21).

Поскольку летом 399 г. (время произнесения речи) никакой группировки, не связанной с земледелием и оплачиваемой правительством, кроме готов Алариха, на территории Византии не было, следует признать, что антигерманизм куриала Синезия в значительной мере был направлен именно против них³⁰. Вместе с уходом Алариха на запад в 400 г. (Iord. Get. 147) исчез и объект критики Синезия. В трактате «О провидении», написанном после 400 г., «киренец молчит о проникновении готов на командные посты в правительстве, а взаимоотношения Тифона с варварской верхушкой практически не освещает»³¹, т. е. фактически можно говорить об исчезновении основных элементов его антиготской программы. Очевидно, было невозможно изо-

бразить варваров причиной чисто внутриимперского конфликта.

Причины ориентации Гайны на Кесария и их сотрудничество, на наш взгляд, объясняются их реальным местом в византийском обществе. Представляется верным предположение А. С. Козлова о том, что Кесарий выражал интересы «той военно-чиновной знати, которая обогащалась через государственный аппарат и была слабо связана с полисными имуществами», равно как и утверждение о слабости его социальной опоры³².

Думается, что эта группировка в свое время была одним из наиболее важных элементов социальной базы режима Феодосия. В литературе подчеркивается быстрый рост имущественного благосостояния офицерства и чиновничества во время его правления³³. Ослабление позиций этой новой бюрократии произошло вслед за падением Руфина во время террора Евтропия. Кроме уже отмеченных процессов против Тимасия и Абунданция, эмиграции влиятельных чиновников на Запад, назначения на посты своих сторонников, хотелось бы отметить попытки Евтропия ослабить обезглавленную группировку экономически. В 396 г. один за другим вышли два предписания об ужесточении конскрипции (СТh. XI. 23. 3—4), причем один из них заставляет нести эту повинность тех, «кто из примипилариев» (СТh. XI. 23. 4). Примечательно и то, что Кесарий, занявший после гибели Руфина пост префекта претория Востока, был смещен в 397 г. и заменен Евтихианом, креатурой Евтропия³⁴.

Таким образом, есть основания считать, что Кесарий пытался стать лидером этой группировки после падения Руфина и изгнания видных феодосианцев. Свержение Евтропия и Евтихиана в 399 г. вновь сделало вакантной важнейшую должность государственного аппарата префектуры Востока, за обладание которой и разгорелась борьба, в которой Кесарий вследствие слабости своей группировки искал реальную силу для опоры. Такую силу он увидел в Гайне, малоизвестном и невлиятельном при дворе офицере, боевой опыт которого Евтропий пытался использовать при подавлении восстания Трибигильда. В свою очередь Гайне импонировала возможность влиться в ряды военно-чиновной знати, как это было в случае с его знатными соплеменниками при Феодосии. Вряд ли он хотел стать военным диктатором: численность его отрядов была слишком незначительна для этого, а легитимность власти не шла ни в какое сравнение с полномочиями и положением Стилихона. Гайна не мог не знать о недовольстве федератов партией Аврелиана; социально он никак не был связан с «антигерманистами» и поэтому безоговорочно встал на сторону Кесария, что сулило ему в будущем прочное положение придворного магистра, вроде того, которое позже занимали Аспариды. Возможно, в этом же и кроется причина разъединения войск Трибигильда и Гайны, после того как последний добился свержения правительства Аврелиана, используя в качестве средства давления мятежных остготов. Веро-

ятно, Кесарий обещал признать федератский статус, а следовательно, и перевести отряды букеллариев на государственное обеспечение, только за наемниками Гайны, но не за лэтами Трибигильда.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что идеология антигерманизма оформилась в ходе острого социально-политического кризиса 395—401 гг., отразившего борьбу различных группировок господствующего класса Византии за продолжение или уничтожение политики Феодосия I, и мотивировалась в значительной мере имущественными интересами сословия курiales.

¹ См. наиболее важные из них: **Левченко М. В.** Синезий в Константинополе и его речь «О царстве» // Учен. зап. Ленингр. ун-та. 1951. № 130. Сер. ист. наук. Вып. 18. С. 222—249; **Он же.** Предисловие к переводу «Синезий Киренский. О царстве» // ВВ. 1953. Т. 6. С. 329—337; **Козлов А. С.** Борьба между политической оппозицией и правительством Византии в 395—399 гг. // АДСВ. Свердловск, 1976. Вып. 13. С. 68—82; **Он же.** Основные черты политической оппозиции правительству Византии в 399—400 гг. // Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979. С. 23—31; **Кулаковский Ю. А.** История Византии. Киев, 1913. Т. 1. С. 160—180. Из зарубежной литературы см.: **Seeck O.** Geschichte des Untergangs der antiken Welt. B., 1923. Bd. 5. S. 314—334; **Demougeot E.** De l'unité à la division de l'Empire Romain. P., 1951. P. 235 sq.; **Rémondon R.** La crise de l'Empire Romain P., 1951. P. 235 sq.; **Rémondon R.** La crise del 'Empire Romain de Marc-Aurèle à Anastase. P., 1964. P. 191—193, 206—211; **Jones A. H. M.** The Later Roman Empire (284—602). Oxford, 1964. Vol. 1. P. 170—181.

² См.: **Seeck O.** Arkadios // RE. 1896. Bd. 2. Sp. 1151; **Stein E.** Geschichte des spätrömischen Reiches. Wien, 1928. Bd. 1. S. 361—362; **Rémondon R.** Op. cit. P. 211; **Jones A. H. M.** Op. cit. P. 181.

³ См.: **Козлов А. С.** К вопросу о месте готов в социальной структуре Византии IV—V вв. // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9. С. 114—119.

⁴ **Rémondon R.** Op. cit. P. 192—193.

⁵ См.: **Rémondon R.** Op. cit. P. 206—211.

⁶ «Кроме армян и персов — Арбазакия, Арсака и Варана, которые могут считаться полугреками, вплоть до свержения Анфимия в 415 г., все известные офицеры Восточной империи носят римско-греческие имена; мощный германский элемент был полностью изгнан» (**Seeck O.** Arkadios. Sp. 1151).

⁷ См., напр.: **Jones A. H. M.** Op. cit. P. 203.

⁸ PLRE. I. sub *pominibus*.

⁹ Стилихона, родившегося в империи и ставшего магистром в 392 г., перед походом против Евгения, мы в их число не включаем.

¹⁰ PLRE. I. sub *pominibus*. Последних двух в число магистров при Феодосии справедливо включает А. Демандт, несмотря на то, что они оставили службу уже в 379—382 гг. (См.: **Demandt A.** Magister militum // RE. 1970. Sp. 711—713).

¹¹ PLRE. I. P. 605, 307, 159, 166, 766.

¹² Созомен называет его «командующий войсками в Иллирике» (Soz. VII. 25. 3), однако срок его полномочий точно не известен. До него магистром Иллирика был Майориан.

¹³ См.: **Hoffmann D.** Das spätrömischen Bewegungsheer und die Notitia Dignitatum. Düsseldorf, 1969. Bd. 1. S. 495, 505—521.

¹⁴ Пропогографический материал, собранный А. Шастаньоле, показывает, что ряд высших должностей Восточной империи при Феодосии I занимали выходцы из Испании: Тимасий; Необридий — comes rerum privatarum в 382—384 гг., в 386 г. префект Константинополя; Кинегий — comes rerum largitionum в 381—383 гг., questor sacri palatii в 383 г., префект Востока

в 384—388 гг.; Эмилиан Декстер — проконсул Азии между 379 и 387 гг., comes rerum privatarum Востока в 387 г. «Таким образом, мы совершенно вправе утверждать, что налицо имеется небольшой испанский клан в окружении императора в Константинополе, но, вне сомнения, было бы опасно преувеличивать значение этого факта, ввиду крайне неполного состояния нашей документации» (Chastagnol A. Les espagnols dans l'aristocratie gouvernementale à l'époque de Theodose // Les Empereurs romains d'Espagne. P., 1965. P. 289—290).

¹⁵ Примечательно, что подлинную цену показному германофильству Феодосия скоро почувствовали сами готы. Как известно, поводом к восстанию федератов послужило недовольство их большими потерями при Фригиде и незначительными наградами. Отзвуки этих настроений сохранились у Иордана: «Postquam vero Theodosius amator pacis generisque Gothorum rebus excessit humanis cooperuntque eius filii... auxiliariis que suis, id est Gothis, consueta dona subtrahere...» (Lord. Get. 146).

¹⁶ Дарованный ему Евтропием титул магистра войск Иллирика был в большей мере почетным и представлял, наряду с прочим, завуалированную форму дани.

¹⁷ Várady L. Das letzte Jahrhundert Pannoniens, 376—476. Bp., 1969. S. 82.

¹⁸ Ibid. S. 87.

¹⁹ PLRE. I. P. 1047—1112; II. P. 1241—1290.

²⁰ См.: Chastagnol A. Op. cit. P. 290.

²¹ Zos. V. 14.1; 15.1; Socr. VI.6: stratelates romaion hippikes te kai pezikes. «Поэтому Евтропий отказался, возможно, по особому желанию императора и императрицы, передать войско Гайне, хотя он ему не вполне мог доверять» (Seeck O. Geschichte. ... S. 308). На наш взгляд, этот шаг был продиктован жестокой необходимостью, ибо после изгнания Тимасия и Абунданция и при недоверии Евтропия Сатурнину, принадлежавшему к сторонникам Аврелиана, поставить во главе армии было некого.

²² В другом месте Синезий имеет в виду Гайну и Трибигильда: «Ибо теперь дело идет не о начале только **двумя** (выделено нами.— Е. Г.) людьми... возмущении...» (Синезий. О царстве. 20).

²³ Представляется совершенно справедливым мнение А. С. Козлова о том, что Кесарий пытался использовать готов для реализации своей политики (См.: Козлов А. С. Основные черты... С. 27).

²⁴ См.: Demougeot E. Op. cit. P. 253.

²⁵ О составе отрядов «антиготской» партии см.: Козлов А. С. Основные черты... С. 28.

²⁶ Там же. С. 30.

²⁷ См.: Козлов А. С. К вопросу о месте готов... С. 115—116.

²⁸ См.: Várady L. Op. cit. S. 431—432. Апп. 168.

²⁹ Анализ данных законодательства привел Г. Е. Лебедеву к выводу о том, что, начиная с 80-х гг. IV в., благосостояние куриалов ухудшилось. По закону 386 г. им запрещалось без специального разрешения продавать свое имущество (См.: Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 141—142).

³⁰ Остготы Трибигильда по ряду причин не могут быть включены в их число. Прежде всего, в империю они попали как «captivi» (Claud. In Eutrop. II. 203) и на основании этого были обращены в лэтов: «Ostrogothis colitur mixtisque Gruthungis Phryx ager» (Ibid. II. 153). В качестве лэтов они не только не оплачивались правительством, но и обязаны были платить трибут, как это было в доадрианопольский период, и по первому требованию выставлять воинские контингенты (Амм. XVII. 13.3; 19.11; XXXI. 4.4). В 398 г., отражая набег гуннов, Евтропий потребовал рекрутов от фригийских остготов (Claud. In Eutrop. I. 242: Adloquiturque Getas), которые выставили несколько ал во главе с Трибигильдом. Зосим писал о последнем, что «он командовал не римскими, но варварскими алами, поселенными во Фригии» (Zos. V. 13.2). К этому немногочисленному военному ядру восстания позже примкнули лэты. Пренебрежение, проявленное Евтропием по отношению к Трибигильду во время его визита в столицу, показывает, что

за дедитициями этого готского военачальника правительство не желало признавать федератский статус.

³¹ Козлов А. С. Основные черты... С. 27.

³² Там же.

³³ См.: Jones A. H. M. Op. cit. Vol. 2. P. 775—777; Demandt A. Der spät-römische Militäradel // Chiron. 1980. X. S. 609—636.

³⁴ См.: Bury J. B. History of the Later Roman Empire. N.Y., 1958. Vol. 1. P. 132.

А. С. КОЗЛОВ
Уральский университет

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ХРОНИКИ ВИКТОРА ТУННУНСКОГО

Можно считать преодоленным представление о раннесредневековой хронистике как о жанре, фиксирующем упадок историографии¹ в период, переходный к феодализму. Все большее значение приобретают взгляды, отмечающие в хрониках IV—VII вв. черты закономерного поиска новых методов подбора и изложения исторического материала, поиска, базирующегося на ведущих в то время мировоззренческих комплексах и ориентированного на широкого читателя². При этом, естественно, внимание прежде всего обращается на относительно объемные сочинения, оказавшие заметное влияние на последующее развитие средневековой историографии (Евсевий, Иероним, Григорий Турский, Малала, Исидор Севильский и др.). Авторы, создавшие труды не столь крупные, редко привлекаемые более поздними хронистами, нечасто бывают объектом исследования и в настоящее время. Но, несмотря на внешнюю неказистость, их хроники тоже не механическая компиляция, не набор погодно фиксируемых фактов, понравившихся авторам по каким-то личным соображениям. Малые хроники ценны не только сведениями, дополняющими данные других источников. Большинство таких хроник характером своего генезиса и формами функционирования, с одной стороны, отражают определенные грани изживающего себя социального и культурного бытия поздней античности, а с другой, — являются памятниками, принадлежащими к фактам яркой идейно-политической борьбы на грани античности и средневековья. Одним из таких трудов, по нашему мнению, является «Хроника» Виктора Туннунского.

Рассматривалась эта хроника только в двух аспектах: во-первых, как элемент во взаимосвязях системы средиземноморской позднеримской и раннесредневековой хронографии³, во-вторых, как средоточие фактов истории Африки, Италии и Восточного Средиземноморья V—VI вв., подтверждающих (или дополняющих) сообщения других хроник или иных по жанру источников⁴. Идейно-политическую направленность хроники — одну из показательнейших ее сторон — никто не исследовал.